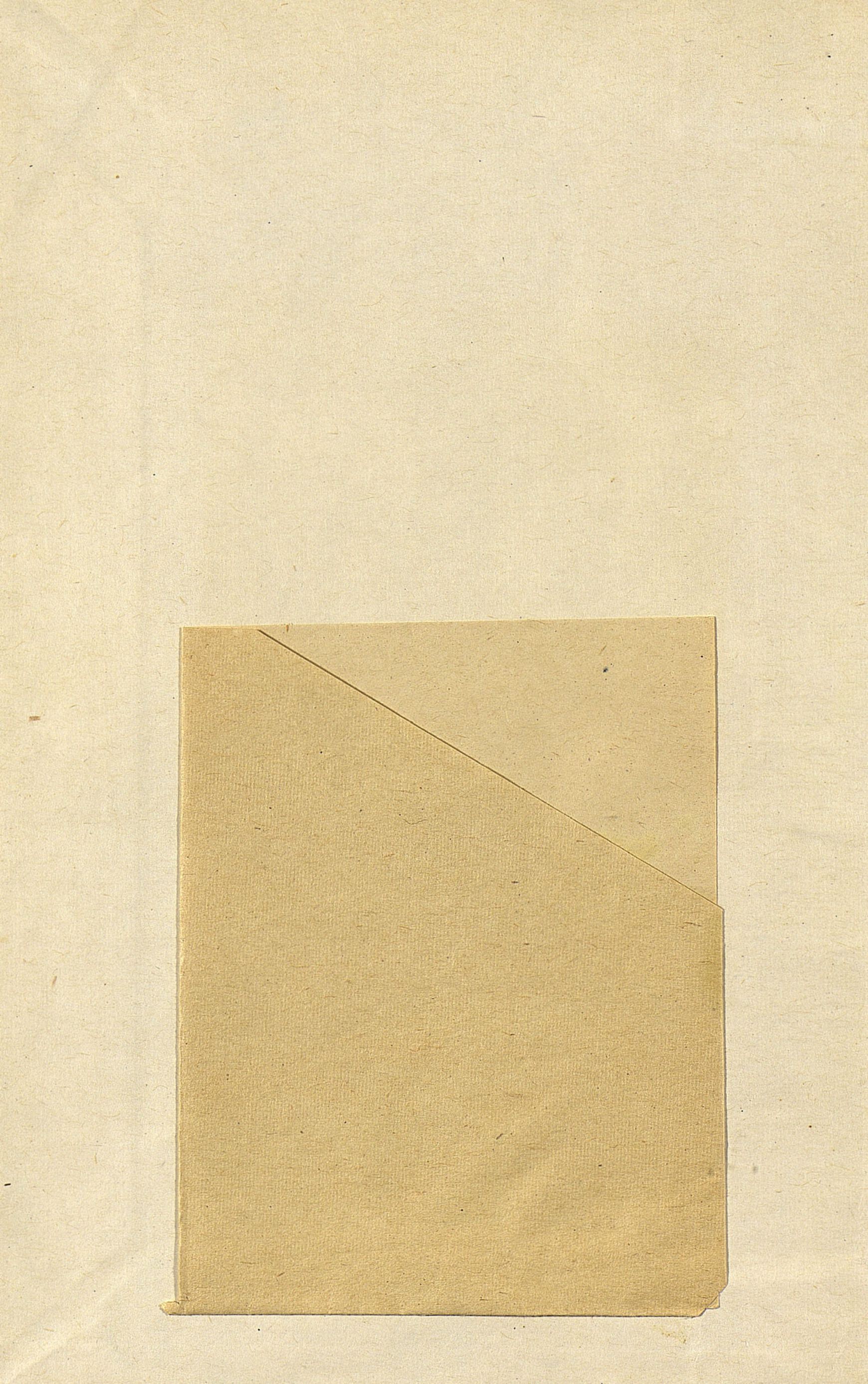

„О РАСКОПКАХЪ ВЪ СМОЛЕНСКѢ"

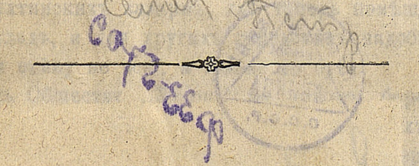
СОСТАВИЛИ

М. Н. Неклюдовъ

—(и)—

ЗАВѢДУЮЩІЙ СМОЛЕНСКИМЪ МУЗЕЕМЪ

С. П. Писаревъ.

ИЗДАНІЕ
СМОЛЕНСКАГО ГУБЕРНСКАГО СТАТИСТИЧЕСКАГО КОМИТЕТА.

СМОЛЕНСКЪ.
Типографія П. А. Силина.
1901.

Печатано съ разрѣшенія Г. Смоленскаго Губернатора.

„О РАСКОПКАХЪ ВЪ СМОЛЕНСКѢ".

Въ 1900 году Смоленскимъ городскимъ управленіемъ было отведено Обществу «Уніонъ» мѣсто для устройства зданій электрической станціи на лѣвомъ берегу Днѣпра, ниже Армянской улицы, между башнею, въ которой помѣщается архивъ Окружнаго Суда, и зданіемъ городского водопровода (водокачки).

Длинная, но узкая полоса означеннаго пространства граничитъ, съ одной стороны, непосредственно берегомъ Днѣпра, а съ другой, отъ Армянской улицы отдѣлялась остатками городской крѣпостной стѣны. Въ стѣнѣ въ этомъ мѣстѣ существовала башня, называвшаяся Лазаревскими воротами. Она въ 1812 году была взорвана французами, отчего пострадала и стѣна, которую впослѣдствіи при Смоленскомъ губернаторѣ Н. И. Хмѣльницкомъ по ветхости разобрали отчасти для устоевъ моста чрезъ Днѣпръ, отчасти для устройства Апухтинскихъ казармъ, гдѣ теперь помѣщается казенный винный складъ, и для другихъ городскихъ надобностей; впрочемъ разобрали стѣну не всю, а только до бута.

Такъ какъ Обществу „Уніонъ" на узкомъ береговомъ пространствѣ тѣсно было расположить свои два большихъ зданія, то пришлось воспользоваться и занимаемою линіею разрушенной городской стѣны и нѣкоторою частію Армянской улицы. Мѣсто это представляло собою не ровное пространство.—Надо было его распланировать; при этомъ предстояло разобрать остатки городской стѣны, срѣзать откосомъ Армянскую улицу, сдѣлать выемку земли, чтобы расширить береговую полосу; затѣмъ уже на распланированной площади копать канавы для фундаментовъ будущихъ каменныхъ построекъ,—работа, какъ видите большая, но лишь подготовительная для главной цѣли устройства Обществомъ зданій трамвайно-электрической станціи. Съ этой работой спѣшили. Начали

было ее со второй половины Марта мѣсяца; но оказалось, трудно и малоуспѣшно вращаться рабочимъ въ мерзлой почвѣ; поэтому работу отложили до второй половины Апрѣля. Тогда наняли массу поденьщиковъ по 65 копѣекъ въ день, не только Смоленскихъ, но вызвали рабочихъ изъ Витебска, ибо тамъ раньше устроенъ трамвай; приглашали на работу и партіи арестантовъ. Работа, какъ говорится, закипѣла. Нужно замѣтить, что въ числѣ рабочихъ, особенно Витебскихъ, были многіе старообрядцы.

Начавшаяся раскопка земли обнаружила, что здѣсь на большую глубину земля все насыпная, наслаивавшаяся въ разныя времена съ разными культурными остатками отъ прежняго быта. Появлялись изъ земли на свѣтъ Божій вещи не виданныя въ настоящую пору, экземпляры странные по своему назначенію; появлялись гробы особой формы; появлялись старинныя монеты и многое другое. Интересуясь этимъ, мы стали наблюдать за раскопками; а одинъ изъ насъ, М. Н. Неклюдовъ, почти ежедневно, сколько дозволяло ему свободное время, посѣщалъ мѣсто работъ, высматривалъ гдѣ, когда, что и въ какой окружающей средѣ отрывалось, запоминалъ и отчасти записывалъ видѣнное; изрѣдка и корреспонденты мѣстной газеты «Смоленскій Вѣстникъ», приходя на раскопки, развѣдывали и разсматривали найденное и сообщали объ этомъ въ газетѣ. Интересъ здѣсь усиливался еще тѣмъ обстоятельствомъ, что раскапываемое пространство пришлось какъ разъ подъ *древнѣйшимъ городкомъ* Смоленска, теперь называемомъ Соборною горою, мѣстомъ обиталища первыхъ поселенцевъ этой мѣстности; *гора* эта съ доисторическихъ временъ продолжала быть заселенною во всѣ времена существованія Смоленска до сего времени, она есть центръ города, около котораго группировались Смоляне. Такъ какъ всякое поколѣніе, каждая эпоха оставляетъ свои слѣды въ культурномъ слоѣ, то, слѣдя здѣсь научно за напластованіемъ земли, можно было: 1) прослѣдить предшествующее состояніе этой мѣстности, т. е. чѣмъ она занята была въ разные вѣка; 2) можно было найти въ послѣдовательномъ, даже непрерывномъ порядкѣ времени остатки обстановки жизни отъ самыхъ отдаленныхъ эпохъ, для сужденія о которыхъ слишкомъ мало сохранилось данныхъ. Тутъ всякая мелочь важна для науки, всякій черепокъ любопытенъ и не въ одномъ даже какомъ-либо отношеніи.

Мы собирали предметы, которые, на нашъ взглядъ, казались цѣнными матеріалами для археологіи и исторіи Смоленска и добытое отправляли въ Смоленскій Историко-археологическій музей; М. Н. Неклюдовъ просилъ администрацію и старшихъ рабочихъ слѣдить въ его отсутствіе за выкапываемыми вещами, и собирать ихъ для передачи въ Музей. Къ сожалѣнію раскопки не благопріятствовали цѣлямъ археологическимъ. Рабочіе копали неосторожно, отчего въ большинствѣ случаевъ вещи получались поврежденными или разбитыми на мелкія части; иныя мелкія вещи неосмотрительно вмѣстѣ съ глыбами земли сваливаемы были въ тачки и отвозимы на откосъ берега, гдѣ онѣ безслѣдно, никѣмъ не обнаруженныя, вновь засыпаны землею; нѣкоторыя цѣнныя находки рабочіе утаивали, чтобы продать ихъ на сторону, или чтобы воспользоваться ими лично для себя, какъ дѣлали это старообрядцы, падкіе до старины; являлись на раскопки и собиратели древностей, захватывавшіе вещи тоже въ свою пользу.—Составляло большое затрудненіе въ добываніи для Музея найденныхъ, но утаиваемыхъ предметовъ.

Тѣмъ не менѣе собрано многое. Доставила въ музей нѣкоторыя вещи и администрація общества. При дальнѣйшемъ ходѣ работы вглубь встрѣтились несомнѣнные слѣды курганной эпохи, т. е. язычества. Все означенное и составило матеріалъ для этой статьи.

Наша задача: отмѣтить подробнѣе тѣ факты раскопокъ, которыхъ мы были свидѣтелями; разобраться въ разнородныхъ вещахъ, найденныхъ въ разныхъ мѣстахъ раскопаннаго пространства, въ 90 саженей длиною, и по возможности пріурочить ихъ къ эпохамъ жизни смолянъ. Это послужитъ дополненіемъ, уясненіемъ и иллюстраціей исторіи города.

Поведемъ дѣло обратно хронологической послѣдовательности, это будетъ соотвѣтствовать и ходу раскопокъ, ибо случилось, что планировка покатой мѣстности началась со спусканія подъ откосъ берега Днѣпра болѣе верхнихъ слоевъ земли, нисходя къ нижнимъ, не прямо идя въ глубь горы. Такимъ образомъ сначала обнаруживалось содержимое верхнихъ слоевъ почвы, т. е. остатки быта болѣе позднихъ эпохъ, а затѣмъ съ углубленіемъ далѣе въ землю, являлись слѣды обстановки жизни нашихъ предковъ въ гораздо древніе вѣка. При этомъ признаемся, что на собираніе вещей, относящихся къ новымъ періодамъ, нами обращено было меньшее вниманіе.

Главнымъ препятствіемъ къ успѣшной планировкѣ мѣстности служили остатки крѣпостной стѣны, на большую высоту и почти отвѣсно возвышавшіяся надъ всѣмъ пространствомъ береговой площади. Поэтому къ разборкѣ ихъ прежде всего и приступили было, начиная отъ зданія городского водопровода. Но какъ за стѣною внутри города толстымъ слоемъ лежала наплывная земля, сдерживаемая стѣною и непосредственно съ ней соприкасавшаяся; то для болѣе успѣшнаго, безопаснаго и нестѣсненнаго вращенія рабочихъ при разломкѣ бута городскихъ огражденій пришлось снимать и означенную наплывную, наслоившуюся за стѣною почву.

И вотъ тутъ встрѣтились:

I. Остатки Новѣйшей Эпохи.

Нашли слѣды разоренія города въ 1812 году, именно: а) остатки взорванной и потомъ разобранной башни Лазаревской: длинный, въ аршинъ длины, *шпиль* съ перегибомъ, простые шпили, *гвозди*, *скобы*, *крючья* дверей; но особенно замѣчателенъ замокъ отъ кирпичнаго свода этой башни,—все это прочно и толсто сдѣланное можно видѣть во всякой изъ уцѣлѣвшихъ башенъ. Относительно-же *замка* слѣдуетъ замѣтить, что второй экземпляръ такого же замка отъ другой которой-то разобранной башни давно хранится въ музеѣ. Это нѣчто въ родѣ ручного жернова, сдѣланнаго изъ крѣпкаго цементированнаго состава. Имъ замыкался сводъ башни; въ срединѣ его отверстіе для вставки желѣзнаго прута, или болта, чѣмъ и заканчивалась башня, иногда съ флюгеромъ на ней; замокъ служилъ основаніемъ болта, а выше держали его деревянныя стропила башни; б) найдены чугунныя ядра, бомбы—слѣды бомбардированія города французами; в) встрѣтились въ верхнемъ слоѣ почвы остатки пожара жилыхъ строеній, существовавшихъ здѣсь передъ 1812 годомъ и сгорѣвшихъ при общемъ пожарѣ города. Послѣ того строенія здѣсь, видимо, не возобновлялись, какъ и въ текущее время.

II. Эпоха до нашествія французовъ въ Смоленскъ.

Отразилась въ раскопкахъ обстановка жизни смолянъ и въ предшествующій періодъ Смоленска подъ властію Россіи, отъ 1812

года до Польскаго владычества. Встрѣтились предметы домашняго быта: часть *кафли* темно-синяго полива, на ней—развѣтвляющіеся листья тропическаго растенія, выведенные рельефно бѣлымъ глазиромъ. Темносиняя краска, чередующаяся съ бѣлой, встрѣчается на Смоленскихъ кафляхъ—изразцахъ времени отъ Петра Великаго до царствованія Анны Ивановны. Встрѣтился *орнаментъ* къ дверямъ изъ листоваго желѣза рѣзной (*рисунокъ фиг. 1-я*), въ видѣ щита съ завитками по обѣимъ сторонамъ, внизу рукоятка. Въ Смоленскѣ и въ настоящую пору прибиваются украшенія надъ клямкою и рукояткою двери къ калиткѣ съ улицы (напр. въ видѣ дерева). Найдена часть стклянки; на ней клеймо съ надписью: *плуш(то)фа* и еще три буквы.

Найдены *ножницы* съ большимъ изгибомъ колецъ (ручекъ) отъ стержня въ стороны, такъ что кольца не сходились; часть *тарелки* изъ простой глины съ бѣлой поливой и съ цвѣточками выведенными желтою краскою, а листья зеленою—аляповатой работы. Принадлежности кухни: *ножъ* длинный, *сковорода* большая. Особенно много встрѣтилось *желѣзныхъ предметовъ* отъ сбруи и экипажей: удила, кольцо съ пряжкой отъ узды, удила съ привѣской, подковы, принадлежности сѣделокъ, втулки къ колесамъ, подтяги отъ оглобель къ колесамъ, сдѣланная цѣпью съ кольцомъ на одномъ концѣ и т. д.,—все предметы, удерживающіе болѣе или менѣе ту же форму и до сего времени только грубѣе. Попался еще *роговой гребешокъ* отъ половины частыхъ зубьевъ постепенно въ поперечныхъ сторонахъ суживающійся къ сторонѣ рѣдкихъ зубьевъ, такъ что ихъ сдѣлано было зубьевъ 12, не болѣе; впрочемъ это вышло соотвѣтственно естественному уменьшенію рога къ оконечности его.

Найдены *топоры*, малый висячій замокъ, не представляющіе интереса по своей обычной формѣ; пробои къ дверямъ и съ накладками, также разныя клямки.

III. Польская Эпоха.

Она отразилась здѣсь слабо. Правда и періодъ ея въ Смоленскѣ былъ небольшой; отъ 1611—1654 года, всего 43 года. Пространство, на которомъ, видимо, шла жизнь въ Польскую эпоху,

разрыто небольшое, только узкою полосою около стѣны внутри города. Снаружи же, близко къ крѣпости, поляки не дозволяли жить; оттого тамъ не встрѣтилось вещей Польской эпохи. А внутри крѣпости эта Эпоха отмѣчается черною чертою пожарища домовъ здѣсь бывшихъ при общемъ пожарѣ города.

Сюда мы причисляемъ: 1) остатокъ изразцовой *кафли* польскаго производства, попавшійся около взорванной башни; такія-же находимы были и около другихъ башенъ, ибо за недостаткомъ жилья въ сожженномъ городѣ при взятіи его Сигизмундомъ III, польское войско, оставленное въ Смоленскѣ, приспособило себѣ для теплаго помѣщенія нѣкоторыя башни, въ томъ числѣ, значитъ, и Лазаревскую башню. 2) Чугунныя мелкія *ядра* того времени. 3) Часть *стклянки* отъ винной посуды съ клеймомъ изображающимъ корону (*рисунокъ фиг. 2-й*), внизу слова и римская цифра: III (можетъ быть написано Сигизмундъ III). 4) Стальная *рукоятка* для вставки въ нее алмаза съ приспособленіями для размѣра веденія линій въ нѣкоторыхъ разстояніяхъ отъ линейки. 5) Не знаемъ еще, къ какому періоду отнести найденную тоже здѣсь *кафлю* почти цѣльную со стеклянным глазиромъ съ рельефными изображеніями звѣзды и букета (*рисунокъ фиг. 3-я*); такія кафли намъ до сихъ поръ не попадались. Такъ какъ размѣръ ея польскій, почти квадратъ, то мы и относимъ ее къ этой-же эпохѣ. 6) *Подковы* лошадиныя. 7) Бѣлый, довольно мягкій *точильный камень*, съ вырѣзанными на немъ, кажется, латинскими буквами и съ углубленіями для стока воды при смачиваніи камня во время точенія. Камень не цѣлый.

IV. Московское Владычество въ Смоленскѣ.

Время Московскаго владычества князей и царей Московскихъ сказалось здѣсь: а) *въ кладахъ* монетъ, скрытыхъ въ эту эпоху въ землю, а теперь найденныхъ: первый кладъ помѣщался въ кожаномъ мѣшечкѣ, отъ времени сгнившемъ; въ немъ было около 60 серебряныхъ копеечекъ Царей Ѳеодора Ивановича и Бориса Годунова, накопленныхъ, значитъ, во время постройки каменной стѣны. Второй кладъ собираемъ былъ очень долго, еще съ Литовской поры; въ немъ встрѣтились гроши Александра Казиміровича и Сигизмунда 1, копеечки великихъ Московскхъ князей Ивана III и Василія III Ивановича

и Новгородскія серебряныя пулы разнаго времени. Всего найдено было около 5 фунтовъ; но большая часть монетъ разошлась по рукамъ. Присутствіе въ этой находкѣ монетъ новогородскихъ указываетъ на близкое сношеніе Новогородцевъ со Смолянами. Кладъ этотъ былъ помѣщенъ въ глиняномъ сосудѣ, разбитомъ при раскопкѣ. Оба указанные клада находились внутри города. Эти клады со многими другими найденными вещами были отправляемы въ Императорскую Археологическую Комиссію, и оттуда возвращены въ Смоленскій музей; б) найдена также *скребница* узкая и грубой работы; в) *пика* представляющая изъ себя просто остріе, загнутое изъ толстаго листоваго желѣза со вмѣстилищемъ для древка (*рисунокъ фиг. 4-я*). Такія пики раньше найдены были гдѣ-то на городской стѣнѣ при очисткѣ ея отъ нанесенной вѣтромъ земли; г) остатокъ ствола *пищали*—ружья; онъ чугунный и очень тяжелый, хотя весьма ржавый; относимъ его къ этому періоду, ибо въ то время введено уже было огнестрѣльное оружіе; д) часть литаго чугуннаго *орнамента* полукружіемъ съ отверстіями насквозь, вѣроятно, ступня отъ стремени, литье толстое; е) стремена древнія; ж) два *серпа*, не представляющіе собой ничего особеннаго; з) *кафля* бѣлой поливы, только съ ободками, выведенными въ нѣкоторомъ разстояніи отъ краевъ синею краскою; ободокъ или клеймо, не доходя до угла, наклонно пересѣкаетъ прямую до слѣдующей прямой, или другого ободка, образуя такимъ образомъ лишній уголъ. Такія кафли встрѣчались въ храмѣ на Чуриловкѣ (въ Смоленскѣ) разрушенномъ предъ взятіемъ города Сигизмундомъ III; и) глиняная *чернильница* круглая, съ тремя отверстіями: главное для маканія и наливанія чернилъ, а два другихъ съ боковъ, продѣланныя наискось, (гораздо меньшія) для втыканія перьевъ, конечно гусиныхъ; і) маленькая кипарисная *икона* съ рѣзнымъ выпуклымъ изображеніемъ вверху знаменія Богородицы, а внизу въ рядъ двухъ святыхъ съ надписями (тоже рѣзными), которыя точно разобрать мы не могли (*рисунокъ фиг. 5-я*). Наконецъ к) во время работы около Архивной башни найдены были двѣ намогильныхъ плиты изъ известковаго камня съ орнаментами вверху и по сторонамъ. На одной изъ нихъ обнаружена надпись церковно-славянскими буквами вязью: ,, лѣта 7115-е (1607), ноября 11 день преславная памятъ святаго Мина, мученика Тереньтея преставися рабъ Божій

Никата (такъ) Евьѳимьевъ". Сличеніе этого календарнаго указанія съ современными „святцами" обнаруживаетъ, что въ ту пору дни празднованія святымъ распредѣлялись не всегда сходно съ установленіемъ, явившимся послѣ исправленія книгъ и существующимъ теперь. Плита эта хранится въ Смоленскомъ музеѣ. Другой такой же надгробный памятникъ гораздо большихъ размѣровъ, чѣмъ предыдущій, но безъ надписи не былъ доставленъ въ музей, такъ какъ онъ не представлялъ собою особенностей, кромѣ орнамента, такого же какъ и на предыдущемъ, именно: по краямъ идетъ веревочное плетеніе, а въ заставкѣ веревочный коверъ. Указанный орнаментъ въ Смоленскихъ предѣлахъ можно встрѣтить на памятникахъ надгробныхъ и болѣе раннягo періода, наприм.: сообщающему эти строки удалось видѣть такой же орнаментъ на надгробныхъ плитахъ недалеко отъ гор. Вязьмы, около Алферовской учительской Семинаріи, въ имѣніи бывшихъ Г.г. Тиличеевыхъ; фамилія эта и написана въ текстѣ надгробій съ датами, обозначающими начало 16-го вѣка; а плиты сдѣланы изъ цвѣтнаго мрамора.

Нахожденіе на мѣстѣ раскопокъ, около Архивной башни, вышеозначенныхъ надгробныхъ камней обнаруживаетъ здѣсь существованіе кладбища въ прежнюю пору. Такъ и оказалось: во время дальнѣйшаго продолженія раскопокъ нашли здѣсь гробы досчатые съ мертвецами,—это явный признакъ кладбища. При кладбищѣ должна была существовать и церковь. Дѣйствительно, на картинкѣ, хранящейся въ Смоленскомъ музеѣ и изображающей бывшій соборъ Мономаха въ Смоленскѣ (онъ взорванъ былъ въ 1611 году) внизу, подъ соборной горой, въ предѣлахъ описываемыхъ нами раскопокъ нарисована существующая церковь, и не одна, а двѣ. Названія этихъ церквей сохранились въ наименованіяхъ башенъ. Многія изъ Смоленскихъ башенъ получили себѣ имя отъ находившихся или бывшихъ рядомъ съ ними храмовъ (Пятницкая, Фроловская, Никольская, Богословская, Авраміевская). Такъ и здѣсь башня Архивная, передѣланная изъ Волковской, или Стрѣлки, (послѣднее названіе вѣроятно, отъ флюгера, имѣвшаго эту форму), называлась прежде, *Семенской*, а взорванная въ 1812 году бывшая въ пространствѣ этихъ раскопокъ называлась *Лазаревская* и Духовская. Названіе свое получили, конечно, отъ храмовъ: 1, Св. Семена, а 2, отъ храма Св. Лазаря и Духовскаго монастыря, бывшаго въ окрестности

города. Начало храмовъ свв: Семена и Лазаря слѣдуетъ относить къ древнѣйшей эпохѣ 12 и 13 вв., къ именамъ первыхъ Смоленскихъ Епископовъ. носившихъ эти названія и устроившихъ храмы въ честь своихъ святыхъ патроновъ, что, какъ извѣстно, любили дѣлать наши русскіе епископы древняго времени. Храмъ Св. Семена, какъ видно изъ рисунка, стоялъ ближе къ берегу Днѣпра, а Лазаревскій—дальше. Уничтоженіе этихъ храмовъ слѣдуетъ отнести къ польской эпохѣ, когда въ крѣпости города всѣ православные церкви были разрушены. При храмахъ существовали кладбища. Стѣна, проведенная здѣсь Борисомъ Годуновымъ, взяла внутрь города оба храма; а кладбища—Лазаревское пересѣкло (объ этомъ рѣчь будетъ ниже), Семенское же вошло все цѣликомъ въ районъ города, ибо за стѣною въ раскопкахъ не встрѣтилось остатковъ погребенія. Мѣсто это еще при Литовцахъ, послѣ устройства ими крѣпости, не было утилизировано; даже ѣзды въ этомъ пунктѣ по берегу не существовало.

На этомъ кладбищѣ, при церкви Св. Семена (которая была, судя по кладбищу, нѣсколько восточнѣе Семенской башни) и положены были въ 1607 году вышеозначенныя надгробныя плиты; слѣдовательно и церковь въ это время еще возвышалась.

Здѣсь же видно было устройство городской стѣны. Въ бутѣ положены дикіе камни огромной величины, скрѣпленные въ самой нижней части стѣны глиною. Съ уровня земли начинался цоколь изъ известковыхъ плитъ, который поднимался сажени на 2; между стѣнками цоколя все таки клались бутовые камни, имѣвшіе иногда болѣе аршина въ діаметрѣ, и заливались известью, затѣмъ уже шли кирпичи, длинные, толстые, тяжелые. Разборка фундамента стоила не малыхъ трудовъ 70-ти рабочимъ. А съ какими, вѣроятно, трудностями соединено было возведеніе стѣнъ, особенно подниманіе на довольно почтительную высоту тяжелыхъ камней! Это былъ гигантскій трудъ. Тутъ, около бута, встрѣтились *дубовыя лопаты* объ одномъ ступнѣ, уцѣлѣвшія отъ тогдашняго времени и употреблявшіяся, вѣроятно, рабочими при постройкѣ стѣны, также дубовыя топорища. Башня „Лазаревскія ворота" нѣсколько выступала изъ стѣны кнаружи,—это и понятно, такъ какъ проѣздъ подъ ней былъ не прямо къ Днѣпру, а съ заворотомъ въ бокъ къ востоку, въ направленіи къ Духовскому монастырю. Здѣсь была большая насыпь земли для спуска изъ нея къ берегу Днѣпра. На этой насыпи близъ самыхъ воротъ, у

фундамента стѣны, оказались остатки обгорѣлаго деревяннаго жилого строенія съ хлѣвомъ и лежащимъ плотною массою навозомъ. Это, быть можетъ, была сторожка при воротахъ. Тутъ найдены: а) четырегранная *пика* Московскаго образца, съ приспособленіемъ для насаживанія ее на древко (*рисунокъ фиг. 6-я*); б.) кладъ монетъ, состоящій изъ серебряныхъ копеечекъ царей Ѳеодора Ивановича и Бориса Годунова; в.) верхняя часть металлическаго обгорѣлаго сосуда съ крышкою, прикрѣпленною къ кувшину на петлѣ шарниромъ.

V) Литовскій періодъ.

Годуновская стѣна начиналась непосредственно съ закладки бута на расчищенный грунтъ земли, другой предварительной работы, въ видѣ, напримѣръ, набивки свай въ землю, не было; по крайней мѣрѣ этого не замѣтно, тамъ, гдѣ оставшійся фундаментъ въ разрушенныхъ мѣстахъ стѣны разбирали,—это въ верхнихъ частяхъ города, въ которыхъ каменную крѣпость опоясываетъ древнѣйшій земляной валъ. Но въ предѣлахъ описываемыхъ нами раскопокъ, подъ Годуновскими стѣнами, встрѣтилась цѣлая система деревянныхъ сооруженій, чрезъ которыя проведены были деревянные водостоки къ Днѣпру, ибо обнаружилось здѣсь существованіе въ прежнюю пору двухъ протоковъ, вытекавшихъ изъ подъ соборной горы (одинъ водоспускъ былъ, примѣрно, въ 1 аршинъ шириною и въ 1½ аршина вышины). А выше ихъ уже параллельно каменной стѣнѣ, въ направленіи къ рѣчкѣ Гориловкѣ (теперь Георгіевскій ручей), проложены были каменные водоспуски, изъ кирпича, одновременнаго съ кирпичами стѣны, (конечно, это сооруженіе Годуновское). Изъ-подъ бута Лазаревской башни, гораздо ниже его, аршинъ на 6-ть въ глубину, шла въ указанныхъ деревянныхъ сооруженіяхъ бревенчатая мостовая настилка, направлявшаяся тоже къ Днѣпру. Когда стали разламывать эти деревянныя сооруженія, то по ту и другую сторону ихъ (и внутрь города и извнѣ) встрѣчались гробы на одинаковыхъ уровняхъ. Въ одномъ пунктѣ встрѣтилась смѣшанная въ безпорядкѣ группа человѣческихъ костей подъ этими деревянными сооруженіями и т. д. Что это значитъ?—Очевидно, Годуновская стѣна прошла здѣсь по существовавшимъ ранѣе

укрѣпленіямъ. Это есть укрѣпленія Литовскія, такъ называемый „*деревянный городъ*“, въ отличіе отъ земляныхъ огражденій города, сооруженныхъ въ до—литовскую эпоху въ верхней части города. Въ означенномъ деревянномъ городѣ, построенномъ литовцами, существовали тоже башни съ проѣздными воротами; названія воротъ были такія же, какъ потомъ и въ Годуновскихъ стѣнахъ. Мало того, Московскіе воеводы, и по устройствѣ каменныхъ стѣнъ, все же пунктъ огражденій по берегу Днѣпра, называютъ по привычкѣ прежнимъ названіемъ; такъ регулируя по улицамъ ѣзду лицъ проѣзжающихъ чрезъ Смоленскъ, они приказываютъ: „ ѣздити въ Смоленску, въ *старомъ деревянномъ городѣ* отъ Крылошевскихъ воротъ на Пятницкія и отъ Днѣпровскихъ воротъ на Духовскія.“ („ Акты историч. “ II, 416.). Здѣсь подъ названіемъ Духовскихъ воротъ надо разумѣть Лазаревскія, ибо изъ нихъ направлялся путь къ знаменитому прежде Духовскому монастырю, находившемуся верстахъ въ 2-хъ выше по Днѣпру отъ крѣпости города; этотъ монастырь въ польскую эпоху былъ разрушенъ, съ нимъ утратилось и названіе воротъ Духовскія. Эти Духовскія, или Лазаревскія, ворота имѣли при Литовцахъ квадратный выступъ во внѣшнюю сторону города, къ Днѣпру; такъ же они, на прежнемъ базисѣ устроены были и Борисомъ Годуновымъ. Только прежнія сваи дубовыя дали нѣкоторый уклонъ къ Днѣпру; поэтому Годуновъ вбилъ въ нихъ свои свѣжія сваи въ прямомъ, или вертикальномъ положеніи.

Мы опустили изъ вида сказать, что ко времени устройства Годуновскихъ стѣнъ Литовскія огражденія съ внутренней стороны города успѣли уже на значительную высоту заплыть землею, рвы засыпались, остались только подъ землею спуски ихъ: такъ—что если бы Борисъ Годуновъ вздумалъ здѣсь какъ въ верхней части города, класть бутъ на материкъ земли, то пришлось бы ему искать этотъ материкъ подъ глубокимъ слоемъ наносной почвы и вытаскивать еще сваи Литовскихъ огражденій, вбитыя въ землю. Эта работа, по необходимости, совершена была въ теперешнюю раскопку и представляла изъ себя каторжный трудъ: вытаскивали съ мѣста одну сваю часа три домкратами. Повести же каменную стѣну во внѣ, за литовскими огражденіями, Годунову нельзя было потому, что они уже во многихъ пунктахъ соприкасались прямо съ тогдашней окраиной берега Днѣпра; напримѣръ, здѣсь: отъ

Днѣпровскихъ воротъ, которыя передъ мостомъ (теперь Богоматерскія), около Семенской башни, до Духовскихъ воротъ по причинѣ узкости пространства по берегу и вслѣдствіе протоковъ, выходившихъ изъ-подъ стѣнъ, ѣзды не было. Этимъ и объясняется распоряженіе Московскихъ воеводъ приведенное нами выше. Такимъ образомъ Борису Годунову вслѣдствіе необходимости пришлось вести каменную стѣну по линіи литовскихъ укрѣпленій.

При раскопкѣ можно было видѣть ихъ устройство. Къ сожалѣнію, въ свое время мало обратили на нихъ вниманія, всѣ думали что это простыя сваи, вбитыя при постройкѣ каменной стѣны для сдерживанія бута; и только послѣ догадались, что это какое то болѣе раннее сооруженіе. Опишемъ на сколько припомнимъ, это литовское созиданіе.

Вбивали цѣлыми рядами поперекъ, саженей на 5, дубовыя сваи вершковъ въ 3, 5 и 7 толщиной, длиной же аршинъ 7; сваи вбивали въ землю и вдоль. Затѣмъ по бокамъ плотно укладывали тяжелые брусья; а пространство между ними заполняли землей, камнями и мусоромъ. Потомъ горизонтально клали толстыя, въ нѣсколько саженъ длиною, бревна. Въ нихъ врубались поперечныя бревна и образовывалось нѣчто въ родѣ срубовъ (клѣтокъ, или гнѣздъ), засыпанныхъ землей. Рядовъ такихъ клѣтокъ вверхъ, видимо, былъ не одинъ. На этомъ уже укрѣпленіи или базисѣ, по которому, безъ сомнѣнія, ходили, воздвигали шулы, вѣроятно для прясловъ забора вверху.

Такимъ образомъ высота литовскихъ стѣнъ могла восходить до 4 саженей, если считать дубовыя сваи длиною по 7 аршинъ и шулы, поднимающіяся надъ ними, тоже по 7 аршинъ длины (7+7=14 ар.); изъ этого числа надо исключить по 1 аршину длины бревна для углубленія въ землю (=2 аршина). Выходитъ (14—2) 12 аршинъ высоты. Это въ свое время была тоже прочная и неприступная крѣпость.

Она то первоначально и пересѣкла Лазаревское кладбище, а не каменная стѣна, которая, будучи гораздо уже (2¼ сажени), обосновалась на ней. А начиналась Годуновская стѣна такъ: предварительно снявши верхнюю надстройку надъ клѣтками, можетъ быть, и часть верхнихъ клѣтокъ, клали на Литовскихъ укрѣпленіяхъ камни и заливали ихъ глиной; потомъ опять камни, но заливали ихъ уже известью; затѣмъ цоколь, кирпичи и т. д.

Другихъ огражденій города по берегу Днѣпра, болѣе раннихъ никогда не было; берегъ оставался всегда открытымъ для свободы торговыхъ сношеній, совершавшихся по рѣкѣ, прежде очень полноводной. Такъ представлено и на картинкѣ (правда, очень не совершенной, но тѣмъ не менѣе сохранившей историческія данныя), изображающей соборъ Мономаха съ прилегающимъ къ нему побережьемъ, гдѣ производились раскопки: на этой картинкѣ еще не обозначено по берегу Днѣпра никакихъ стѣнъ, а стояли въ разныхъ мѣстахъ дома и церкви—картинка значитъ относится ко времени до литовскихъ стѣнъ.

Проведеніе литовской стѣны со стратегическою цѣлію, въ защиту отъ нападеній москвичей, у которыхъ завелись къ этому времени огнестрѣльныя оружія, потребовало снесенія нѣкоторыхъ домовъ съ берега, по крайней мѣрѣ тѣхъ, которые стояли на линіи проводимой стѣны; да и тѣмъ, которые не были сломаны (ихъ могло остаться не много на узкой окраинѣ береговаго пространства), неудобно уже было стоять внѣ огражденій безъ защиты и въ опасности отъ враждебныхъ дѣйствій пушекъ и мортиръ непріятельскихъ. Прекращеніе здѣсь жительства должно приблизительно совпадать со временемъ постройки стѣны. А съ этимъ вмѣстѣ и прекращеніе прироста здѣсь культурнаго слоя, ибо стѣна заперла и сдержала на себѣ всякій наплывъ почвы изъ города; а жителей тутъ не было,—откуда же явятся новыя напластованія культурнаго слоя? Слѣдовательно, все, что сохранилось изъ остатковъ прежняго быта за стѣною, все это есть культура до постройки литовской стѣны, т. е. относится ко времени первой части литовскаго періода; а глубже по слоямъ—княжеская эпоха и т. д.—Это надо принять исходнымъ принципомъ въ пріурочиваніи вещей къ эпохамъ, за малымъ развѣ исключеніемъ, какъ предыдущій случай, относительно сторожки при Лазаревскихъ воротахъ.

Культурный слой оказался здѣсь великъ. Правда, по разнымъ мѣстамъ онъ былъ не ровенъ, вслѣдствіе неровности береговой поверхности, отъ существовавшихъ здѣсь протоковъ; однако предварительное изслѣдованіе материка при началѣ работъ, посредствомъ буренія земли въ нѣкоторыхъ пунктахъ этого пространства, обнаружило, что въ большинствѣ случаевъ наслоившаяся почва идетъ здѣсь на двѣ сажени. Это черный перегной съ культурными остат-

ками; между прочимъ въ верхнихъ слояхъ его шли деревянныя мостовыя зигзагами, соотвѣтственно тогда бывшей тутъ неровной поверхности. Лишь на 3-й сажени залегалъ песокъ—плавунъ, который шелъ на 1 сажень; наконецъ уже обнаружилась материковая плотная глина.

Культурный слой и далѣе, за разломанной стѣной, тянулся равнымъ продолженіемъ почти на одинаковомъ уровнѣ, какъ и во внѣ стѣнъ, съ нѣкоторымъ лишь возвышеніемъ, по наклону береговой поверхности. Надъ нимъ образовалась масса другихъ слоевъ, иныхъ эпохъ, особенно по ручейкамъ, въ ихъ оврагахъ.

Земля за стѣною, по Армянской улицѣ, выбрана откосомъ на 30° уклона отъ линіи стѣны. И прежде всего, что бросилось въ глаза при расчищеніи откоса, это именно—существованіе множества мостовыхъ деревянныхъ чрезъ овражки, положенныхъ періодически, чрезъ извѣстное напластываніе земли (напластываніе не ровное), одинъ надъ другимъ.

Видно, что мостъ въ извѣстный промежутокъ времени заславался, загрязнялся въ уклонѣ, или впадинѣ, овражка, и тутъ снова клали мостовую настилку на наслоившуюся землю, пока не дошло дѣло до современной мостовой, ровной по поверхности. Мы довольно тщательно прослѣдили за мостовыми въ большомъ овражкѣ, назовемъ его Лазаревскимъ. Тутъ обнаружилось, что теперяшняя мостовая Армянской улицы лежитъ на 8-ми деревянныхъ мостовыхъ настланныхъ половинками бревенъ, стесанными топоромъ досками и цѣлыми бревнами. Мостовыя расположены одна надъ другой на промежутокъ ⅓ и 1-го аршина, что ясно выдѣлялось изъ разрѣза. Одна изъ мостовыхъ обнаружена идущею въ нѣкоторыхъ мѣстахъ въ направленіи подъ фундаментъ литовскихъ сооруженій; слѣдовательно, улица издавна держалась здѣсь, но шла по берегу зигзагами. Литовская мостовая со своимъ водоспускомъ къ Днѣпру чрезъ стѣну есть вторая обнаруженная настилка отъ низа. Раннюю мостовую слѣдуетъ, конечно, отнести къ княжескому періоду въ Смоленскѣ.

А высшіе ряды настилокъ, послѣ литовской, съ достовѣрностью могутъ быть послѣдовательно пріурочены: одна, напримѣръ, ко времени взятія Смоленска Московскимъ Великимъ княземъ Василіемъ III, когда онъ съ Заднѣпровской стороны изъ 300 пушекъ пускалъ «огненные кули», большія и мелкія ядра окованныя свинцомъ, зажегъ и полуразрушилъ береговую половину крѣпости горо-

да; она должна была возобновляться при новыхъ властителяхъ и, можетъ быть, по новому. Другую настилку слѣдуетъ отнести ко времени послѣ работъ по устройству каменной крѣпости Борисомъ Годуновымъ. Третью—къ польской эпохѣ, ибо тогда городъ, какъ извѣстно, почти весь сгорѣлъ; Сигизмундъ III послѣ того планировалъ его по-новому и засыпалъ съ этою цѣлью рвы. Четвертую настилку съ достовѣрностію можно отнести къ царствованію Петра I, когда стѣна, отъ времени и погромовъ изветшавшая, капитально поправлялась; и самъ Петръ Великій, ожидая нападенія на Смоленскъ Карла XII, производилъ въ Смоленскѣ многія земляныя работы; видно, что дѣятельность его коснулась и этой улицы, ибо, названіе ей «Армянская улица» дано Петромъ Великимъ. Пятое заслоеніе мостовой и настилку новой, скорѣе всего, слѣдуетъ отнести къ эпохѣ взрыва башенъ (въ томъ числѣ и Лазаревской, около которой пролегалъ описываемый овражекъ), также пожаровъ въ 1812 году: вѣдь передъ 1812 годомъ здѣсь существовалъ другой противоположный рядъ домовъ этой улицы, теперь его нѣтъ. Долго городъ находился въ безпорядкѣ отъ французскаго погрома, пока наконецъ въ 1829 году назначенный губернаторомъ Ник. Ив. Хмѣльницкій не занялся благоустройствомъ его: уравненіемъ и расширеніемъ улицъ, постройкою новыхъ домовъ при пособіи отъ казны, проведеніемъ шоссе чрезъ Смоленскъ и т. д. Въ перечнѣ мостовыхъ одна не пріурочена нами ни къ какому времени, ибо затрудняемся это сдѣлать.

Возвратимся къ ручьямъ. Вода ихъ, заградившись мостовыми и всякимъ наслоеніемъ земли, стала пропитываться во всѣ нижніе слои почвы и во все пространство у стѣны въ городѣ. При этомъ все здѣсь органическое и неорганическое содержимое окислилось и дало своеобразный, специфическій запахъ. Образовалась какая-то вонючая, а по цвѣту кобольтовая грязь, которая при разборкѣ стѣны, находя себѣ свободный выходъ, всюду просачивалась, лилась по распланированному уже пространству. Достаточно было выкопать углубленіе на ½ аршина, какъ оно чрезъ малый промежутокъ времени наполнялось мутной жидкостью. Работа производилась въ грязи съ спертымъ, удушливымъ воздухомъ, вотъ еще почему мы назвали ее каторжною. Эта грязь, содержавшая въ себѣ, между прочимъ, окись металловъ, проникая въ вещи, предохраняла ихъ отъ гні-

енія. Вотъ почему сохранились въ цѣлости указанные выше: топорище, лопата и множество мостовыхъ; а нижнія бревна всецѣло пропитались кобольтовою грязью и представляли собою темносинее и черное древо, пригодное для украшенія и разнообразія столярныхъ подѣлокъ. Эта грязь проникла и въ слои выше, въ Московскій періодъ. А для насъ она, какъ говорится: «сослужила службу». Дѣло въ томъ, что здѣсь скапывали землю въ 2 пріема: въ 1-й разъ вмѣстѣ съ разборкою стѣны, тогда постепенно снимали верхніе слои, и тутъ обнаружились вещи, которыя нами перечислены были раньше. Но оказалось, что для трамвайныхъ зданій пространства взято было мало; тогда общество Уніонъ выпросило у города дозволеніе прирѣзать себѣ еще нѣкоторую часть Армянской улицы. И вотъ тогда, т. е. во 2-й разъ, по крутому откосу спускали землю сразу общею массою книзу, въ грязь. Никто не хотѣлъ въ этой грязной обстановкѣ и удушливой атмосферѣ разбираться. Если находили тутъ какіе предметы, то трудно было опредѣлить въ какихъ слояхъ лежали они. Здѣсь то отчасти и пришла къ намъ на помощь кобольтовая окраска предметовъ: по ней и степени наслойки этой грязи мы нерѣдко судили о степени давности вещи, обнаруженной въ общей массѣ ссыпанной земли. Кромѣ вещей позднѣйшихъ періодовъ, описанныхъ нами раньше, здѣсь встрѣтились предметы и Литовской эпохи, о которой сейчасъ идетъ рѣчь.

а) Каменныя въ большомъ количествѣ *ядра*, тесанныя изъ дикаго камня и брошенныя царемъ Василіемъ III въ крѣпость города; они потомъ какъ простые камни, валявшіеся безъ употребленія, попали въ бутъ каменной стѣны; нѣкоторые изъ нихъ очень велики, наприм. одинъ изъ нихъ найденъ въ 1½ четверти въ діаметрѣ.

б) Кафля темно-зеленой легкой поливы съ изображеніемъ грифона. (Смотр. *рисунокъ фиг. 7-я*).

в) Три *шпоры* (рыцарей) разныхъ видовъ, можетъ быть, и разныхъ временъ, ибо, напримѣръ, у одной шпоры расположенъ каточекъ прямо, а у другой сдѣланъ книзу.

г) Одно *долото* малаго размѣра;

д) *Ножъ-косаръ* въ видѣ сабли. (*Рисунокъ фиг. 8-я*);

е) *Копье* боевое, по серединѣ грань (Смотр. *рисунокъ фиг. 9-я.*)

ж) Длинныя *клещи* съ рукоятками, какъ 4 ножницъ, загнутыми кольцами. Вѣроятно, употреблялись для держанія чего-либо

надъ огнемъ; въ притискиваемыхъ пластинкахъ есть углубленіе, которое идетъ поперекъ и насквозь.

з) Два *эфеса* отъ мечей; одинъ съ углубленіемъ для основы его. (*Рисунокъ фиг. 10-я.*)

и) Части отъ рыцарскаго *сѣдла*: пряжка отъ сѣдельнаго прибора, часть стремени, кольца и накладка желѣзная, скрѣплявшая арчакъ.

і) Части тонкаго *изразца* съ прорѣзью. (Смотр. *рисунокъ фиг. 11-я*).

Раскопки велись отъ зданія городского водопровода въ направленіи къ Архивной (или Семенской) башнѣ, на 90 саженей; до нея онѣ не дошли, а остановились на существовавшемъ здѣсь неглубокомъ овражкѣ, по которому, видимо, стекалъ ручей изъ-подъ колодца, что у Соборной горы. Этотъ небольшой ровъ въ нижнихъ частяхъ своихъ засоренъ былъ множествомъ обрѣзковъ кожи, сафьяна, остатками подошвъ, каблуковъ, башмачныхъ верховъ, туфель и т. п.; была масса шерсти, видно, что здѣсь кожи мочились и очищались; встрѣчалось много кузнечныхъ шкварковъ, или изгари желѣза; попадались также кости коровъ, свиней и другихъ животныхъ, части окаменѣлыхъ уже роговъ лося, вѣтви которыхъ спилены; мы видѣли также черепъ козла и съ рогами.—Это мы описали содержимое овражка внутри города; но и за стѣною продолжалось тоже самое. Значитъ въ этотъ овражекъ сваливались разные отбросы кузнечнаго и кожевеннаго производства и шитья еще въ Литовскую эпоху, частнѣе до устройства литовскихъ огражденій. Слѣдовательно, производства эти существовали въ ту пору въ Смоленскѣ. Это соотвѣтствуетъ указанію историческихъ источниковъ; такъ въ «Хроникѣ о литовскихъ князьяхъ» подъ 1440 годомъ отмѣчается въ Смоленскѣ существованіе между «черными» (простыми) людьми многихъ кузнецовъ, кожемякъ, шевчиковъ, мясниковъ и котельниковъ (изд. 1893 г., стр. 40). Конечно, эти производства велись изъ предшествующей эпохи; особенно обращаемъ вниманіе на слишкомъ развитое кожевенное ремесло. Въ указанный годъ еще не существовало литовскихъ огражденій.

За стѣной, по берегу Днѣпра, встрѣтились слѣдующіе предметы: *браслеты* изъ свѣтлозеленаго стекла съ орнаментомъ плетеной проволоки. Одна изъ частей ихъ (довольно большая) отъ круг-

лой браслеты хранится въ музеѣ—(*рисунокъ фиг. 12-я*). Попался тамъ еще остатокъ толстой *пилы*, грубой работы. Значитъ пилы же существовали въ то время. Нашли тутъ также желѣзныя *пряжки*, форма кольца, стержень вращающійся по всему кольцу, (*рисунокъ фиг. 13-я*).

Въ первоначальномъ пунктѣ работъ, около зданія городскаго водопровода, рабочіе натолкнулись на существованіе другого кладбища. Мы раньше упомянули уже о немъ. Это лазаревское кладбище; оно оказалось слишкомъ переполненнымъ мертвецами, похороненными въ гробахъ. Эти *гробы* положены очень близко другъ къ другу, въ нѣкоторыхъ пунктахъ почти рядомъ, притомъ—одинъ надъ другимъ, какъ бы слоями. Гробы эти заслуживаютъ полнаго интереса по устройству и формѣ ихъ, также по находкамъ въ нихъ и около гробовъ. Кладбище это велось изъ давнихъ временъ, и въ немъ встрѣчаются гробы разныхъ типовъ. Литовскія огражденія, пройдя чрезъ него, тѣмъ самымъ изолировали отъ храма часть кладбища оставшуюся за стѣною, прекратили къ ней свободный доступъ и привычку тутъ хорониться. Выходитъ, что здѣсь гробницы могутъ быть только княжескаго періода и отчасти Литовской эпохи.

Такъ какъ трудно разграничивать двѣ смежныя эпохи одну отъ другой, ибо вторая, получая преемство отъ первой, сливается съ нею въ тождествѣ многихъ обычаевъ того-же самаго населенія; то мы всю свою дальнѣйшую замѣтку о встрѣтившемся здѣсь погребеніи отнесемъ къ слѣдующему періоду.

VI. Княжеская эпоха.

На Лазаревскомъ кладбищѣ, за стѣною, было найдено сравнительно на небольшомъ разрытомъ пространствѣ много гробовъ. Одни изъ нихъ имѣли видъ корыта или *колоды*, выдолбленной изъ цѣлаго дерева для вмѣщенія умершаго; колоду прикрывали цѣльной доской, вытесанной изъ дуба и равной по ширинѣ и длинѣ гробу; затѣмъ крышку и гробъ вмѣстѣ обвивали плотно широкими пластами *бересты*; на крышку клался большихъ размѣровъ камень для того, чтобы она плотно прилегала къ гробу и имѣла устой.—(*Рисунокъ фиг. 14*). Другіе гробы сосновые и дубовые выдолблены были изъ цѣльной колоды, но въ ней размѣръ помѣщенія для разныхъ

частей тѣла былъ различный; для головы меньше, для плечъ и рукъ по шире, однако постепенно суживающійся; для таза опять широкое помѣщеніе, а въ направленіи ногъ послѣдовательно уменьшающееся. Соотвѣтственно формѣ внутренняго расположенія углубленій, и внѣшняя часть гроба была отесана приблизительно въ такомъ-же видѣ. Это видъ нѣсколько напоминающій *лодку*; но присутствующее здѣсь простонародье и рабочіе называли это «гробъ здѣсь скрипка». Крышка на немъ отесана изъ цѣльнаго дерева дуба на два ската, просто, безъ выемокъ, въ видѣ крыши дома. На нихъ бересты нѣтъ, но на крышкѣ обязательно выдолблено углубленіе для наложенія на гробъ камня — (*Рисунокъ фиг 15-я*). Мы послушали разсужденіе простонародья, по поводу накладыванія камня, и оно объяснило этотъ обычай своеобразно: «Іисусъ во гробѣ приваленъ былъ камнемъ»... Которые изъ гробовъ древнѣе, — сказать трудно. Первые лежали выше, чѣмъ вторые; слѣдовательно, вторые должны быть старше первыхъ. Но можетъ быть, относительное ихъ положеніе на глубинѣ здѣсь случайность, ибо все-таки слѣдовало ожидать наоборотъ: прежде должны-бы явиться простые гробы — колодою, а потомъ уже искусно обработанные. Впрочемъ если принять во вниманіе, что первые переселенцы могли проникнуть сюда въ эту лѣсную прежде дикую и угрюмую мѣстность, только по Днѣпру на лодкахъ, и сношенія ихъ съ другими селеніями среди непроходимыхъ, дремучихъ, дѣвственныхъ лѣсовъ могли совершаться главнымъ образомъ на лодкахъ; то форма гроба *лодкою* будетъ имѣть особое значеніе. Можетъ быть, ею хотѣли снабдить покойника, какъ необходимымъ предметомъ для жизни въ загробномъ мірѣ, представляя эту жизнь такою-же, какъ и земная.

Этому соотвѣтствуетъ и то, что могильники первыхъ поселенцевъ въ нашей мѣстности встрѣчаются все больше по рѣкамъ, рѣчкамъ (теперь уже нѣкоторыя высохли), вообще прежніе люди сближали мертвецовъ съ водою; и въ городѣ Смоленскѣ — тоже въ народныхъ преданіяхъ есть не мало намековъ на плаваніе покойниковъ въ лодкахъ. Предполагая такое вѣрованіе у нашихъ предковъ, можно согласиться, что гробъ-лодка древнѣе колоды. Однако на этомъ кладбищѣ найдены были гробы и безъ бересты. Это въ связи съ предшествующимъ даетъ мысль иную: о состоятельности погребаемыхъ и степени ихъ положенія въ обществѣ. Но св. князь Глѣбъ, сынъ

Владиміра I, убіенный въ Смоленскѣ на Смядыни въ 1015 году, погребенъ былъ «между двумя колодами». Это еще иной типъ гробовъ Смоленскихъ; гробъ дѣлался тоже изъ 2-хъ деревъ, но въ видѣ колодъ, которыя приспособлялись для накрытія одной другою. Такихъ въ раскапываемомъ мѣстѣ не было. Слѣдуетъ замѣтить, что при обработкѣ колодъ того и иного типа пилы не употреблялось. Это свидѣтельствуетъ объ ихъ древности, ибо въ верхнихъ частяхъ другой половины этого раздѣленнаго кладбища встрѣчались гробы сдѣланные изъ распиленныхъ досокъ. *) Колоды плохо сохранились, особенно искусно выдѣланныя, такъ что разламывались отъ нажима палки. Рабочіе арестанты, раскапывая это мѣсто, не принимали осторожности къ вырытію изъ земли гробовъ, они разваливались вмѣстѣ съ костями погребенныхъ и выбрасывались наружу. Нѣкоторые-же гробы, по просьбѣ М. Н. Неклюдова, вынуты были изъ земли. Одинъ гробъ дубовый съ крышкой былъ настолько тяжелъ, что посильно было взять его 8-ми человѣкамъ, чтобы перенести на другое мѣсто. По вскрытіи его, на головѣ погребеннаго замѣтили шерстяное вязанье въ видѣ скуфьи, тѣло облечено было въ какой-то плащъ до ступень ногъ; но отъ соприкосновенія со свѣжимъ воздухомъ это быстро все разсыпалось. На груди найденъ былъ на шнуркѣ, свитомъ изъ ремешковъ кожи, плетеный изъ тонкихъ ремней, кожаный четырехконечный *крестъ* съ надкрестниками по концамъ. (*Рисунокъ фиг. 16 я*). Ноги у этой погребенной личности были обуты въ туфли. Въ другомъ гробу, очень широкомъ, увидали остовъ женщины, которая держитъ на рукахъ поперекъ младенца, судя по костямъ, примѣрно, трехлѣтняго. При нѣкоторыхъ погребенныхъ были найдены малые тѣльные *каменные кресты* 4-хъ конечные съ отверстіемъ на верху для вдѣванія шнурка. Такъ какъ они знаменуютъ очень большую древность, то Витебскіе рабочіе—старообрядцы живо завладѣвали ими,

---

*) На противоположной сторонѣ Днѣпра, нѣсколько ниже этихъ раскопокъ, гдѣ въ Литовскую эпоху былъ Московскій „Гостинный Дворъ“, нашли во время устройства устоевъ новаго моста около колокольни Никольской церкви еще гробы—колоды, сдѣланные *изъ* одного *распиленнаго пополамъ дерева;* снаружи гроба, въ томъ концѣ его, гдѣ располагалась голова, дѣлались топоромъ выемки съ обѣихъ сторонъ. Этотъ типъ гробовъ, вѣроятно, не Смоленскій.

и ни одинъ изъ нихъ не попалъ въ Музей. При покойникахъ находили также *каменныя бусы*—пряслицы, разной формы. (*Рисунокъ фиг. 17-я*). Существованіе ихъ въ гробу въ христіанскій періодъ мы объясняемъ, не назначеніемъ ихъ, какъ орудія умершей личности, для процесса пряденія въ загробномъ мірѣ подобно, какъ было во время земной жизни; а иначе: буса вдѣвалась въ оба конца пояса покойника и служила вмѣсто узла, такъ какъ поясъ на покойникѣ (непремѣнная эмблема христіанина, данная ему при крещеніи, съ которой онъ долженъ явиться на тотъ свѣтъ) не завязывался узломъ, чтобы покойнику, по суевѣрію, «легче было дышать на томъ свѣтѣ», да и животъ могъ вздуться еще до погребенія умершаго. Въ нѣкоторыхъ деревняхъ Смоленскаго уѣзда (напримѣръ: по рѣкѣ Сожу въ Кощинской волости, деревняхъ Гевино, Ракислово, Горяны, Кракодиново, Абухово, Митюшино и др.) осталось это суевѣріе, съ тѣмъ только различіемъ, что вмѣсто каменной бусы надѣваютъ на поясъ покойника сплетенное изъ шерстянаго или другого какого-либо матеріала колечко или просто: поясъ не связываютъ, а концы его закладываютъ одинъ на другой, не дѣлая узла.

Всѣ усмотрѣнные покойники были въ кожаной обуви. Уцѣлѣло много кусковъ обуви, преимущественно подошвъ, на которыхъ вмѣсто каблука прибивались желѣзныя подковки; положительно не имѣющіе никакого сходства съ современными. (*Рисунокъ фиг. 18-я*). У подковъ есть гвозди, составляющіе съ ними одно цѣлое; эти гвозди вбивались во внутреннюю подкладку кожи, образуя внутренній каблукъ. Подошвы обозначаютъ искусное рантовое шитье въ два ряда. (*Рисунокъ фиг. 19-я*). Но встрѣтилась обувь, сшитая изъ одного куска кожи, въ видѣ портянки (въ простонародьи это называется: «поршни») изъ кожи. *Туфли* были иной формы, чѣмъ современныя; притомъ нѣкоторыя изъ нихъ оказались изукрашенными тонкою изящною расшивкою изъ разноцвѣтныхъ тоненькихъ ремешковъ сафьяна желтаго, краснаго, темнозеленаго и бѣлаго цвѣтовъ. *Расшивка* производилась чрезъ продѣланныя въ кожѣ (въ заготовкѣ») насѣчки. Одинъ изъ насъ хорошо разсмотрѣлъ эту расшивку сафьяномъ по кожѣ, но какъ эти туфли облѣпились какою-то противною склизью, то изъ чувства брезгливости ихъ никто не взялся обмыть.

Разнообразіе, а вмѣстѣ и художественность кожевенныхъ издѣлій, еще болѣе проявляются въ слѣдующемъ: на лбу нѣкоторыхъ погребенныхъ найдены кожаные вѣнчики, съ оттисками на нихъ великихъ праздниковъ. Двумя изъ нихъ завладѣли какіе то любители и показывали ихъ въ Народномъ Домѣ. Лицо, видѣвшее ихъ, намъ передавало, что на одномъ разсмотрѣно было изображеніе Воскресенія Христова, а другомъ—Богородицы. Намъ доставили въ музей третій экземпляръ такого-же вѣнчика, и, благодаря этому, мы подробнѣе можемъ описать ихъ.—Длина вѣнчика 3 четверти аршина съ излишкомъ, ширина въ $^1/_8$ вершка; одинъ конецъ перерѣзанъ поперекъ во всю ширину; на окраинѣ его сдѣлана шнурковая петля, а въ самомъ вѣнчикѣ продѣлана узкая щель для вдѣванія въ нее другого конца. Другой конецъ вѣнчика обрѣзанъ съ боковъ длинною линіею, постепенно суживающеюся, которая и служила для продѣванія ея въ петлю и отверстіе въ самомъ ремнѣ: такъ что вѣнчикъ окружалъ всю голову. Онъ составленъ изъ двухъ полосокъ кожи, склеенныхъ одна на другой. Нижняя не лицевая полоска, дѣйствительно, просто кожа обдѣланная; а лицевая полоса представляетъ собою тонкій сафьянъ (можетъ быть лайку), на которой посредствомъ металлическихъ особыхъ пластинокъ рельефно, искусно и устойчиво вытиснуты 12 праздниковъ, такъ что многіе изъ нихъ до сихъ поръ видны ясно. Главная пластинка, которая приходится на средину лба, изображаетъ Воскресеніе Христово, а по сторонамъ видны Сошествіе Іисуса Христа во адъ, Воскрешеніе Лазаря, Входъ въ Іерусалимъ на осляти, Благовѣщеніе, Рождество Христово, Крещеніе Господне, Преображеніе и т. д.

Рядомъ съ описываемыми раскопками (къ востоку) мѣсто занято зданіемъ городского водопровода, которое расположено тоже на Лазаревскомъ кладбищѣ, за бывшею стѣною. Для устройства его пришлось въ разное время тоже разравнивать землю; и здѣсь встрѣчали сходную обстановку погребенія, какъ описано и у насъ. Но слѣдуетъ прибавить, что тутъ найдены были при покойникахъ кожаные *параманы* съ оттисками великихъ праздниковъ. Заинтересовавшись сходствомъ ихъ съ упомянутыми вѣнчиками, мы обратились за этимъ дѣломъ въ управленіе водопровода, гдѣ намъ сообщили, что они находятся у преподавателя Смоленской духовной се-

минаріи г. Вишневскаго. По просьбѣ нашей Д К. Вишневскій сообщилъ намъ объ этихъ параманахъ слѣдующее:

«Въ 1897 или 98 г., при устройствѣ водопровода, у крѣпостной стѣны, проложенной, вѣроятно, черезъ старое кладбище, землекопами найдено нѣсколько кожаныхъ монашескихъ парамановъ и туфли. Эти предметы инженеръ-технологъ г. Малеваный въ 1900 г. передалъ мнѣ. Два парамана мною отосланы въ церковно-археологическій музей при Кіевской духовной академіи. Два-же остаются у меня и на дняхъ будутъ отданы въ мѣстный музей (теперь отданы).

Одинъ изъ парамановъ, плетеный изъ тонкихъ ремешковъ, напоминаетъ собой кожаный параманъ, вывезенный преосвященнымъ Порфиріемъ Успенскимъ съ Востока и находящійся сейчасъ въ Ц—археологическомъ музеѣ при Кіев. дух. академіи. Другой параманъ состоитъ изъ двухъ кожаныхъ лентъ, изъ коихъ одна (съ раздвоеннымъ верхнимъ концомъ) завязывалась вокругъ шеи на затылкѣ и спускалась по груди до пояса, а другая замѣняла собою поясъ. На обѣихъ лентахъ видны тисненыя изображенія двунадесятыхъ и избранныхъ праздниковъ, а именно: на продольной, сверху внизъ, идутъ изображенія—Срѣтеніе, Распятіе, Преображеніе, Воскрешеніе Лазаря, Благовѣщеніе, Воскресеніе (изведеніе праведниковъ изъ ада), *опять* Благовѣщеніе, Рождество Христово, Вознесеніе, Богоявленіе, *опять* Воскрешеніе Лазаря и Сошествіе Святаго Духа.

На поперечной лентѣ—Благовѣщеніе, Рождество Христово, Богоявленіе, Воскрешеніе Лазаря, Исцѣленіе слѣпого (?), Преображеніе, Входъ въ Іерусалимъ, Распятіе, Воскресеніе, Вознесеніе, «Сошествіе Св. Духа, Успеніе Богородицы и *опять* Благовѣщеніе». Сообщилъ Д. Вишневскій.

О туфляхъ, упоминаемыхъ въ этомъ сообщеніи, слѣдуетъ сказать, что это собственно и не туфли, а тоже «поршни». Онѣ сдѣланы изъ двухъ четыреугольниковъ, вырѣзанныхъ изъ кожи и наложенныхъ одинъ на другой. Концы загнуты кверху для образованія носа туфли и запятокъ. Тамъ, гдѣ средина ступня, передъ мысомъ туфли, прикрѣплено на окраинахъ по ремешку; они вверху обутой ноги были связаны узломъ. Узелъ этотъ виденъ до сего времени.

Между гробами, извнѣ ихъ, поставлена была глиняная посуда:

а) *Канунницы*,—это не спеціально погребальная посуда, а обычно употреблявшіяся въ то время тарелочки съ ножкою внизу. При отпѣваніи покойника въ тарелочку клали медъ или кутью; а при погребеніи его съ нимъ-же и спроваживали это въ землю, не возвращая домой изъ боязни новой смертности въ домѣ. (*Рисун. фиг. 20-я*).

б) *Кадильницы*,—это есть стаканъ, постепенно расширяющійся къ краямъ; при донышкѣ сдѣланъ рубчикъ, подъ нимъ ножка. (*Рисун. фиг. 21-я*). Въ кадильницу клали горячіе угли и курили на нихъ ладонъ. Кадильницы или курильницы до сихъ поръ употребляются въ крестьянскихъ домахъ, только онѣ теперь дѣлаются спеціально съ ручкою. Сопровождая умершаго изъ дома до могилы съ курильницей, родственники покойнаго тамъ-же ее ему и оставляли; даже сейчасъ просятъ священнослужителя высыпать въ могилу изъ кадила угли и ладонъ, чтобы съ ними не возвращаться домой. Этотъ страхъ повторенія или возвращенія смерти опять въ домъ сильно преслѣдуетъ простыхъ суевѣрныхъ людей: съ кладбища не берутъ вещей, имѣвшихъ отношеніе къ мертвецу или соприкосновеніе съ гробомъ, чтобы опять не привлечь себѣ смерти въ домъ. При копаніи могилы увидѣвшій эту работу отнюдь не скажетъ въ привѣтствіе работающимъ, какъ обыкновенно: «Богъ въ помощь!», а говоритъ: «Аминь вашей работѣ!» т. е. желаетъ, чтобы работа эта не повторялась; или же говоритъ: «канунъ да ладонъ!»—мысль та-же, но въ ней видно еще указаніе на необходимость употребленія канунницы и курильницы при снаряженіи покойника въ вѣчность.

Еще в) нашли *слезницы*,—это просто глиняныя лейки, или тогдашнія воронки, служившія для домашняго обихода; ими пользовались и при послѣднемъ прощаніи съ покойникомъ. Родственники, друзья, близкіе, благодарные, и всѣ добрые знакомые считали обязанностію посѣтить умершаго и оросить его слезою,—такъ завѣщается въ древнихъ, дошедшихъ до насъ письменныхъ поученіяхъ, или «наказаніяхъ». Слеза, отдѣлившаяся изъ глазъ плачущаго, принадлежитъ уже не ему, а умершему; надо, чтобы и попала она покойнику во гробъ и шла съ нимъ въ подземный міръ, какъ внѣшній знакъ, какъ вещественное свидѣтельство любви, уваженія и печали при разставаніи живыхъ съ умершимъ. Вотъ за чѣмъ и упот-

реблялись слезницы, очень удобныя по формѣ и по широкому размѣру сверху для наведенія ее на оба глаза. (*Рисунокъ фиг. 22*). Могли и спеціально выдѣлывать такое орудіе, приспособляя для того и другого глаза двѣ трубки, соединенныя вмѣстѣ. Нѣчто подобное наблюдалось при раскопкахъ въ Кіевской губерніи. Такъ какъ слезницы имѣли отношеніе къ умершему, то около него ихъ и клали въ землю.

Другихъ данныхъ о совершавшихся здѣсь погребеніяхъ мы не имѣемъ. Впрочемъ возможно еще дальнѣйшее изслѣдованіе и провѣрка нашего сообщенія, ибо сохранилась нетронутою довольно значительная часть Лазаревскаго кладбища внутри города.

По уклону раскопокъ, между двумя кладбищами, встрѣтилось много старинныхъ предметовъ, которые слѣдуетъ отнести тоже къ княжескому періоду Смоленска:

А) Домашняя *утварь* (мы уже означили, что здѣсь между кладбищами были и дома).

Въ находкахъ оказались: а) точеная изъ дерева, въ видѣ балясин на лѣстницахъ, *палочка*, длиною въ 1½ четверти, къ одному концу она тоньше; въ этотъ тонкій конецъ, въ просверленное отверстіе продѣтъ тонкій и узкій ремешокъ, изъ чего мы заключаемъ, что это есть рабочій инструментъ, *рукоятка* для плетенія изъ кожи издѣлій; надобность такихъ рукоятокъ состояла въ томъ, что при помощи ихъ отвисали концы и удобнѣе было разбираться въ ремешкахъ, сплетаемыхъ въ одинъ жгутъ, или веревку ременную. Впрочемъ подобный инструментъ М. Н. Неклюдовъ видалъ и у коноваловъ. Онъ употребляется ими при пусканіи крови лошадямъ; имъ толкаютъ, или бьютъ по ланцету, наставленному на жилу коня. в) Часть большого желѣзнаго *замка* со сныч**а**ми. (*Рисун. фиг. 23*). Такой-же замокъ въ цѣльномъ видѣ найденъ былъ на кладбищѣ села Тяполова Порѣчскаго уѣзда Смол. губерніи. Хранится въ Смоленскомъ музеѣ. г) *Кремсало*, д) *оселокъ* изъ сланца, е) изразцовыя *кафли* зеленаго, обычнаго тогда въ Смоленскѣ полива, очень малаго размѣра. *Рисунокъ фиг. 24-я*. Дома въ то время строились небольшіе, таковы были и печи въ нихъ; соразмѣрно печамъ и кафли дѣлались маленькія. ж) *Топоръ* формы нѣмецкой (не цѣльный), ука-

зываетъ на сношенія съ Готскимъ берегомъ въ ту пору. з) Металлическая столовая *ложка* круглая съ орнаментами, довольно изящная. (*Рисунокъ фиг. 25*).

Б) *Домашняя посуда*, въ которой оказалось большое разнообразіе. Прежде всего, посуда грубой работы, шероховато и аляповато сдѣланная просто рукою, чрезъ вылѣпливаніе ея изъ темносѣрой глины, или проще сказать: изъ рѣчнаго ила, смѣшаннаго съ пескомъ и разложившимися раковинами, что сама природа даетъ, какъ готовый матеріалъ. Изъ нея выдѣланы руками малые горшки и посуда, которая упомянута нами, какъ посуда, поставленная при покойникахъ; но такая же посуда была и въ домашнемъ обиходѣ. Кромѣ того, мы видѣли сосудъ съ двумя углубленіями и сверху и снизу, между ними раздѣляющій рубчикъ,—такой посуды при гробахъ не замѣчалось.—Можетъ быть, не лишнее будетъ сказать, что простая ручная работа была преимущественно съ выпукло вылѣпленными рубчиками и загибами.

Затѣмъ слѣдуетъ посуда, сдѣланная при помощи гончарнаго станка. Тутъ являются горшки сравнительно большаго размѣра, сначала, изъ той же простой темносѣрой глины; потомъ, горшки по темносѣрой глинѣ начинаютъ вылащивать, или шлифовать красною, болѣе крѣпкою глиною; затѣмъ встрѣчается посуда изъ той-же неочищенной темно-сѣрой глины, за то выкрашенная смѣшеніемъ бѣлой и синей краски на маслѣ и выжженная въ горнѣ; напримѣръ: обнаружились въ раскопкахъ части такого сосуда съ узкимъ горломъ, вѣроятно, большая бутылка. Само собою разумѣется, что попадались во множествѣ гончарныя издѣлія изъ спеціально для горшечной посуды приготовленной глины, очищенной и прочной. Изъ нихъ нѣкоторыя оказываются съ поливой, другія безъ поливы; иныя съ орнаментомъ, другія безъ всякаго орнамента, какъ и теперь.

Можно судить по даннымъ раскопокъ, что Смоленскъ не довольствовался только своимъ доморощеннымъ гончарнымъ производствомъ, которое, кстати сказать, почему то было, и теперь тоже, какъ говорится: «не хитро на выдумки»; но онъ пользовался и привозными издѣліями, лучшаго производства. Такъ въ раскопкахъ встрѣтились части рукомойника, въ видѣ широкаго кувшина съ ушками для навѣшиванія на веревку и съ носикомъ въ видѣ изго-

нутой трубки, какъ теперь еще рукомойники дѣлаются въ Великороссіи. Этотъ рукомойникъ выдѣланъ изъ черной глины и тщательно отшлифованъ. Нашли еще три остатка какого-то сосуда изъ той-же глины. Это производство рѣзко отличается отъ мѣстныхъ издѣлій; видно, что оно привозное, быть можетъ, изъ Суздальскаго края: въ Ярославлѣ на областномъ Археологическомъ съѣздѣ въ 1901 году выставлены были кувшины древняго производства, художественной работы, состоящіе изъ одной и той-же глины. Въ другихъ раскопкахъ въ Смоленскѣ намъ приходилосъ видѣть части посуды, тонко и искусно выдѣланной изъ высшей степени обработанной *желтой* глины; сосудъ былъ узкогорлый, можетъ быть, амфора, тщательно выглаженъ, полированъ и представлялъ большую устойчивость противъ влаги и атмосферныхъ вліяній Конечно, этотъ сосудъ привозный, что обозначаетъ уже желтая глина, въ Смоленскомъ производствѣ не встрѣчающаяся. Тоже надо сказать и о попадающихся изрѣдка частяхъ сосудовъ (не тарелка) изъ *бѣлой* глины,—конечно они появились сюда по Днѣпру изъ Южныхъ княжествъ.

Совершенно изолированнымъ оказывается въ трамвайныхъ находкахъ однако Смоленскаго првизводства сосудъ (нѣчто въ родѣ греческой *амфоры)* изъ красной глины, съ одной ручкой, и угловато круглымъ дномъ, стѣнки сосуда толстыя; онъ былъ разбитъ, мы сколько можно, воспроизвели его на *рисункѣ* (*фиг. 26*). Такіе же дѣлались голосовики, т. е. толстые горшки, вмазываемые въ углы сводовъ внутри каменныхъ церквей греко-кіевскаго строительнаго искусства XII и XIII вѣковъ; глина въ нихъ та же красная, что и въ плинѳахъ—кирпичахъ, изъ коихъ построены храмы. Это производство проявилось въ Смоленскѣ временно, не отличалось разнообразіемъ и заглохло.

В) Встрѣтились за *сапожные ножи* въ родѣ малаго кинжала, и еще украшеніе въ видѣ *полулуны*, можетъ быть, ободокъ къ деревяннымъ ножнамъ, вмѣстилищамъ этихъ ножей.

Г) Нашли также мѣдный *бубенчикъ* круглой формы.

Д) Раньше въ раскопкахъ городского водопровода былъ найденъ большой кладъ серебряныхъ монетъ, такъ называемыхъ пражскихъ грошей, польско-богемскаго короля Венчеслава II-го (1300—1306 года); при той же раскопкѣ найдены были еще какіе-то кожанные ярлычки, состоявшіе изъ кружковъ обдѣланной кожи съ рельефнымъ

оттискомъ какого-то сложнаго изображенія (описано это въ «Памятной книгѣ г. Смоленска», составленной С. Писаревымъ, издан. 1898 г., стр. 116-я); предполагается, что это кожанныя деньги татарской эпохи. И въ этой трамвайной раскопкѣ тоже попадались кожаные кружочки съ проткнутымъ отверстіемъ по срединѣ, какъ бы для вдѣванія ихъ на шнурокъ; но, какъ на ничтожную вещь, на нихъ не обратили особаго вниманія, и они безслѣдно потерялисьвъ землѣ.

Попадались тутъ опять и монеты Венчеслава II; народная молва гласитъ, что кромѣ указанныхъ нами раньше кладовъ, были откопаны рабочими еще два клада,—какіе? осталось неизвѣстно.

Е) Между разными упомянутыми мостовыми застряло множество лошадиныхъ подковъ. Въ Музей ихъ доставили штукъ 25. Тутъ встрѣчаются подковы и зимнія и лѣтнія, древнія и болѣе новыя; окраска нѣкоторыхъ изъ нихъ кобольтовою грязью поможетъ до нѣкоторой степени пріуроченію ихъ къ эпохамъ.

Но намъ бросились въ глаза своими особенностями три экземпляра подковъ: одна слишкомъ большая, нужно думать, отъ громаднаго коня, какихъ едва-ли встрѣтишь теперь; другая, наоборотъ, небольшая подкова, закрывающая почти всю копыту, съ тремя гаками; она настолько мала, что будто назначалась для лошака. (*Рис. фиг. 27*). Такая подкова попалась и раньше въ какихъ то другихъ раскопкахъ. Третья представляетъ собою только мысикъ подковы съ однимъ острымъ гакомъ. (*Рис. фиг. 28*). Она не кована, какъ другія подковы, а высѣчена изъ одного плоскаго куска желѣза. Изъ внутренней высѣчки желѣза, видимо, загнутъ передній гакъ, представляющій узкое конусообразное остріе. Такія подковы раньше не попадались намъ при раскопкахъ.

Ж) Мы указали раньше, что въ раскапываемомъ пространствѣ и вообще подъ Соборною горою были не только дома, кладбища, но и зданія церквей. И дѣйствительно, при работѣ обнаруживалось много кирпичныхъ красныхъ плинѳъ, слишкомъ широкихъ и длинныхъ, но узкихъ, изъ которыхъ устроены въ Смоленскѣ спеціально только древнѣйшіе храмы; въ домашнемъ же быту эти кирпичи по своей неприспособленности не употреблялись. Найдена еще плинѳа, исключительно сдѣланная для опредѣленнаго назначенія въ кладкѣ зданія. Это именно кирпичъ, повидимому, изъ наливной глины, длиною 7½ верш., шириною 2¾ верш. и толщиною ¾ вершка по

лукруглой формы; на немъ вытиснуто 6-ть знаковъ, представляющихъ каждый рѣшетку въ кругѣ. Вѣроятно, кирпичъ этотъ служилъ для облицовки угла или столба въ строеніи. Попадались специальныя плинθы: треугольникъ и въ шесть угловъ. Все какъ быть должно, и что встрѣчается въ развалинахъ древнихъ храмовъ. Наконецъ попалось церковное копье стариннаго типа, употреблявшееся при богослуженіи (*Рис. фиг. 29*).

Очевидно подтверждается, что здѣсь, вблизи раскопокъ есть гдѣ-то остатки древнѣйшаго каменнаго храма. Ихъ когда-нибудь предстоитъ найти. Который это изъ храмовъ: Лазаревскій или Семенскій,—мы не можемъ сказать. Но на указанной ранѣе картинкѣ Собора Мономаха (правдоподобность и вообще состоятельность которой раскопками оправдывается) ближе къ Днѣпру, а слѣдовательно и къ мѣсту раскопокъ, стоитъ храмъ Семенскій.

VII. Языческій періодъ Смоленска.

Ряды гробовъ на указанномъ кладбищѣ кончились, а за ними и планировка мѣстности. Надо было спустить грязь и воду въ Днѣпръ; съ этой задачей справились. Затѣмъ приступили къ устройству фундамента для трамвайнаго зданія; стали копать канавы, а въ нихъ еще ямы для устоевъ, или столбовъ каменныхъ, такъ какъ фундаментъ рѣшили сдѣлать на аркахъ. Эти ямы доходили до грунта, или на 7 аршинъ вглубь отъ поверхности распланированной земли. Тутъ неожиданно стали появляться новые признаки погребенія и уже чисто языческіе, какіе встрѣчаются въ нѣкоторыхъ курганахъ Смоленской губерніи. Отрыли *кости* человѣка, и тутъ же черепъ коня, съ которымъ похороненъ былъ умершій; тутъ же попался бронзовый *бубенчикъ* къ уздѣ коня; *) онъ небольшой, но своеобразной удлиненной формы. (*Рис. фиг. 30*). Нашли *горшокъ съ пищей*, окаменѣлой уже, но, очевидно, принесенной сюда при погребеніи покойника; части глинянаго *фигурнаго сосуда* (*Рис. фиг. 31*) (такихъ сосудовъ былъ не одинъ), похожаго *на братину*, или на удлиненный стаканъ, имѣющій съ наружной стороны по два

*) Такіе-же бубенчики попадались въ курганахъ по рѣкѣ Сожу, близъ Смоленска, въ имѣніи Княгини М. К. Тенишевой; курганы эти представляютъ процессъ погребенія, а не сожженія умершаго.

и по три круглыхъ загиба. Быть можетъ, эта братина поставлена была съ любимымъ питьемъ покойника, воображая, что онъ въ загробномъ мірѣ будетъ пить это питье, а пищу кушать, на конѣ же ѣздить, какъ и въ здѣшней жизни.

Все это признаки язычества, при этомъ не встрѣчалось никакого креста. Ясно, что христіанское кладбище основалось на мѣстѣ кургановъ, въ которыхъ хоронились тѣ же смоляне, прадѣды смолянъ христіанъ; и посуда при тѣхъ и другихъ, по типу и издѣлію, почти одинакова.

Если при сопоставленіи изслѣдуемыхъ группъ кургановъ по вещамъ и признакамъ погребенія можно судить какъ о тождествѣ національности погребенныхъ въ могильникахъ, расположенныхъ на значительное пространство, такъ и о несходствѣ ихъ племенномъ; то подмѣченные въ Смоленскѣ признаки погребенія, несомнѣнно, самихъ смольнянъ могутъ до нѣкоторой степени служить (при сравненіи) исходнымъ пунктомъ для сужденія о степени близости, или родственности другихъ курганныхъ покойниковъ. Имѣя это въ виду, мы съ тщательностію должны отмѣтить и другія данныя въ произведенной раскопкѣ, такъ какъ въ этомъ случаѣ всякая подробность имѣетъ значеніе, каждая мелочь важна, ибо несетъ съ собою вѣсть изъ отдѣленнѣйшей старины.

Кромѣ перечисленныхъ выше, найдены въ курганномъ языческомъ погребеніи еще слѣдующія вещи: а) бронзовый *браслетъ*, сплетенный изъ нѣсколькихъ проволокъ съ загнутымъ на концѣ кольцомъ, въ которое входилъ другой конецъ браслета. (*Рис. фиг. 32*). б) *Серьга*, обвитая тонкою бронзовою проволокою. (*Рис. фиг. 33*). в) Часть отъ большаго *горшка* ручной работы орнаментированнаго ногтемъ въ два ряда обратно, т. е. при обращеніи горшка вправо и налѣво. Но сравнительно большаго вниманія на этомъ глиняномъ сосудѣ заслуживаетъ то, что внутреннія его стѣнки озолотились отъ какой-то золототканной матеріи, очевидно когда-то положенной въ этотъ горшокъ и близко прилегшей къ его внутренней сторонѣ; г) найдено нѣсколько *клыковъ* какого-то животнаго, кажется, дикаго кабана. Такіе клыки попадаются не рѣдко въ курганахъ смоленскихъ и даже на древнихъ кладбищахъ Смоленскихъ, основанныхъ на языческихъ кладбищахъ, ибо въ вѣчевую эпоху каждая часть города жила самостоятельно и имѣло свое кладбище (и

все по берегу Днѣпра, около какого-нибудь ручейка, протока впадающаго въ Днѣпръ). Указанные клыки большею частію по срединѣ просверлены для вдѣванія ихъ или на шнуръ, или на проволоку. Полагать надо, что они къ чему-то и гдѣ-то привѣшивались у человѣка или какъ украшеніе, или какъ амулетъ; д) тутъ-же найдена маленькая *ложечка*, прикрѣпленная на шарнирѣ къ кругу, или кольцу изъ желѣзной пластинки,—вещь оригинальная. (*Рисун. фиг. 34*). Какое ея назначеніе,—сказать трудно. Но въ томъ-же 1900 году при раскопкѣ Елизаровскаго могильника на волокѣ Ламскомъ, сопредѣльномъ съ бывшимъ Смоленскимъ княжествомъ, Гг. Членамъ корреспондентамъ Московскаго Археологическаго общества С. К. Богоявленскому и Ю. В. Готье посчастливилось найти въ одномъ изъ кургановъ подобную-же маленькую ложечку, прикрѣпленную къ бронзовому нагрудному украшенію, состоящему изъ цѣпочки, къ которой привѣшены 2 конца витой проволоки. Къ послѣдней въ свою очередь прикрѣплены на кольцѣ два зуба какого-то животнаго; на этомъ кольцѣ существовалъ остатокъ какой-то другой обломанной привѣски, и наконецъ на этомъ-же кольцѣ прикрѣплена и ложечка.—И такъ просверленные зубы кабановъ, также маленькія ложечки подвѣшивались въ старину къ нагруднымъ украшеніямъ.

Въ заключеніе скажемъ, что не только письменные источники и устныя сказанія повѣствуютъ о прошедшей жизни населенія, но и культурные слои отражаютъ собою то, что было на извѣстномъ мѣстѣ. Послѣдніе имѣютъ даже сравнительно большій объемъ, ибо, напримѣръ, данная раскопка сообщила свѣдѣнія о всѣхъ эпохахъ жизни Смоленска, начиная съ доисторической, о которыхъ нѣтъ никакихъ записей и преданій.

Эта же раскопка рѣшила намъ важный вопросъ, гдѣ были языческіе курганы смолянъ.

С. П. Писаревъ.
М. Н. Неклюдовъ.

16 Ноября 1901 года.
Г. Смоленскъ.

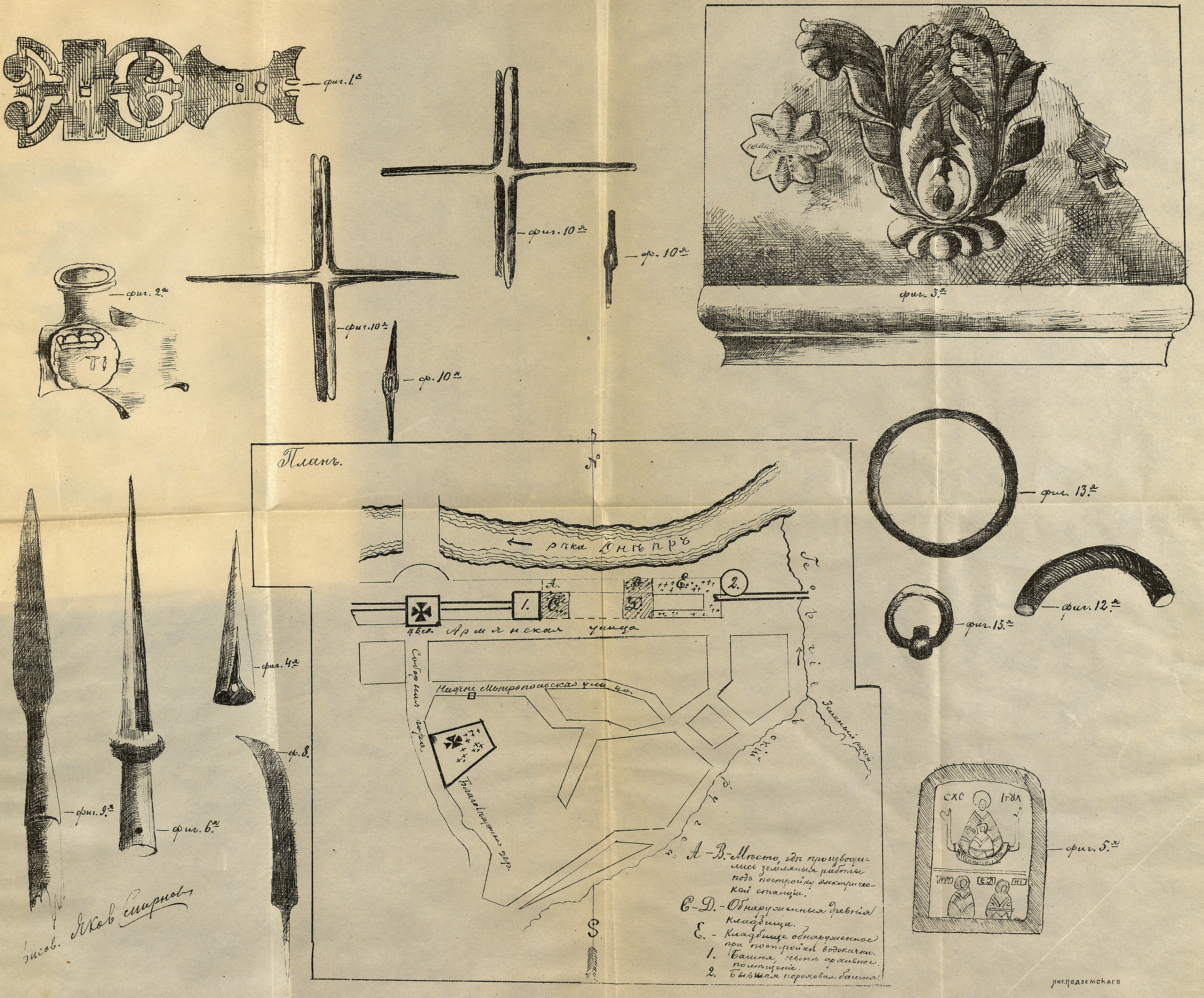
все по берегу Днѣпра, около какого-нибудь ручейка, протока впадающаго въ Днѣпръ). Указанные клыки большею частію по срединѣ просверлены для вдѣванія ихъ или на шнуръ, или на проволоку. Полагать надо, что они къ чему-то и гдѣ-то пришивались у человѣка или какъ украшеніе, или какъ амулетъ; д) тутъ-же найдена маленькая *ложечка*, прикрѣпленная на шарнирѣ къ кругу или кольцу изъ желѣзной пластинки,—вещь оригинальная (*Рисун. 34*). Какое ея назначеніе,—сказать трудно. Но въ томъ-же 1900 году при раскопкѣ Елизаровскаго могильника на волокѣ Ламскомъ, сопредѣльномъ съ бывшимъ Смоленскимъ княжествомъ, Гг. Членамъ корреспондентамъ Московскаго Археологическаго общества С. К. Богоявленскому и Ю. В. Готье посчастливилось найти въ одномъ изъ кургановъ подобную-же маленькую ложечку, прикрѣпленную къ бронзовому нагрудному украшенію, состоящему изъ пластинки, къ которой прикрѣплены 2 конца витой проволоки. Къ послѣдней въ свою очередь прикрѣплены на кольцѣ два зуба какого-то животнаго; на этомъ кольцѣ существовалъ остатокъ какой-то другой обломанной привѣски, а наконецъ на этомъ же кольцѣ прикрѣплена и ложечка. — И такъ просверленные зубы кабановъ, такъ же маленькія ложечки подвѣшивались въ старину къ нагруднымъ украшеніямъ.

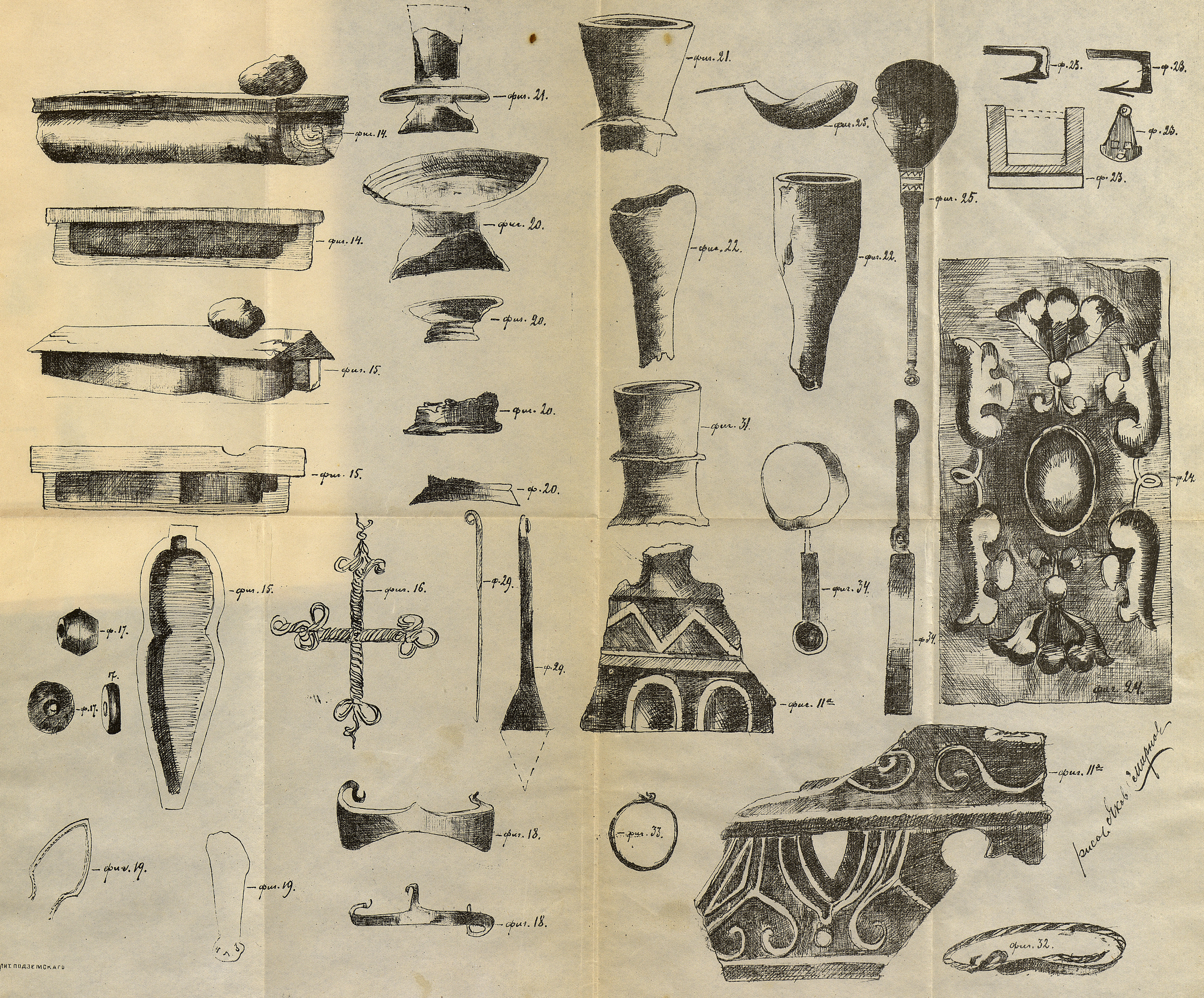
Въ заключеніе скажемъ, что не только письменные источники и устныя сказанія повѣствуютъ о прошедшей жизни населенія, но и культурные слои отражаютъ собою то, что было на извѣстномъ мѣстѣ. Послѣдніе имѣютъ даже сравнительно большій объемъ, ибо, напримѣръ, данная раскопка сообщила свѣдѣнія о всѣхъ эпохахъ жизни Смоленска, начиная съ доисторической, о которыхъ нѣтъ никакихъ записей и преданій.

Эта же раскопка рѣшила намъ важный вопросъ, гдѣ были языческіе курганы смолянъ.

С. П. Писаревъ.
И. И. Орловскій.

16 Ноября 1901 года.
Г. Смоленскъ.

фиг. 1.я
фиг. 10.я
ф. 10.я
фиг. 2.я
фиг. 10.я
ф. 10.я
фиг. 3.я
План.
N
рѣка Днѣпръ
А.
С.
В.
D.
Е.
2.
1.
цер.
Армянская улица
Соборная гора
Нижне Мытрополская улица
Благовещенская гор.
Земляной рвы
фиг. 13.я
фиг. 12.я
фиг. 13.я
фиг. 5.я
фиг. 4.я
ф. 8.
фиг. 9.я
фиг. 6.я
S
А.-В.-Мѣсто, гдѣ производились земляныя работы подъ постройку электрической станцiи.
С.-D.-Обнаруженныя древнiя кладбища.
Е. - Кладбище обнаруженное при постройки водокачки.
1. Башня, нынѣ архивное помѣщенiе.
2. Бывшая пороховая башня.
Яковъ Смирновъ
Лит. Подземскаго

фиг. 14.
фиг. 14.
фиг. 15.
фиг. 15.
фиг. 15.
ф. 17.
ф. 17.
17.
фиг. 19.
фиг. 19.
фиг. 21.
фиг. 20.
фиг. 20.
фиг. 20.
ф. 20.
фиг. 16.
ф. 29.
ф. 29.
фиг. 18.
фиг. 18.
фиг. 21.
фиг. 25.
фиг. 22.
фиг. 22.
фиг. 31.
фиг. 34.
ф. 34.
фиг. 11а
фиг. 11а
фиг. 33.
фиг. 32.
фиг. 25.
ф. 23.
ф. 23.
ф. 23.
ф. 23.
ф. 24.
фиг. 24.

фиг. 27.

фиг. 28.

фиг. 30.

фиг. 7а.

фиг. 26.

Рисов. Яков Смирнов

ЛИТ ПОДЗЕМСКАГО

